

- София Хесс, - повторила я. Что-то черное и уродливое всколыхнулось у меня в груди, подобно расплавленной лаве.

- Мисс Эберт, - начал детектив Чейз.

Мои глаза, которые были обращены к пустой стене, вернулись к нему, и я могла сказать, просто по тому, как он держался, просто по его позе и выражению его лица, что он знал, что я знаю, и это всё подтверждало. Что-то черное в моей груди все туже сжималось вокруг сердца, пока у меня не закружилась голова. Кровь стучала у меня в ушах, и что-то похожее на нечеловеческий визг эхом отдавалось в моем сознании.

София Хесс была Теневым Сталкером.

- Подожди минутку, - сказал папа таким тоном, словно тоже начинал злиться. - Тейлор, это все еще продолжается?

- Это никогда не прекращалось, - произнесли мои губы, но мне показалось, что кто-то другой сказал это за меня.

Папа на мгновение растерялся.

- Но в школе сказали...

Я повернула голову, чтобы посмотреть на него, и что-то из моих мыслей, должно быть, отразилось на моем лице, потому что он сильно побледнел и переводил взгляд с меня на мрачное, покорное выражение лица детектива Чейза, затем его лицо начало краснеть.

- Подожди минутку, - сказал он, повысив голос. - Подожди минутку. Подожди всего одну чертову минуту. Ты хочешь сказать мне... Ты хочешь сказать, что одна из девушек стоящая за издевательствами... Ты хочешь сказать, что она...

- Страж, - закончила она за него.

Папа повернулся к детективу Чейзу.

- И вы позволили ей выйти сухой из воды?!

- Мистер Эберт, уверяю вас, если бы мы знали...

- Вы не знали?! - прогремел папа. - Вы пытаетесь сказать мне, что эта... эта сука отправила Тейлор в больницу в январе, и вы, блядь, об этом не знали?! Одна из ваших Стражей, и вы говорите мне, что не знали, что она измывалась на моей дочерию!? Вы ожидаете, что я поверю в эту чушь собачью!?

- Мистер Эберт, пожалуйста, - сказал детектив Чейз. - Мне нужно, чтобы вы успокоились. Дело не в...

- Вы...

- Вот почему ей все сходило с рук, не так ли?

Мои слова прорезали ситуацию, как нож, и даже папа резко остановился. Я чувствовала, что хочу взорваться, как будто во мне слишком много гнева, чтобы его могло сдержать моё хрупкое человеческое тело, но каким-то образом мой голос был в основном спокойным и

негромким.

- Я думала, это потому, что отец Эммы адвокат.

Папа поперхнулся, пораженный.

- Эмма?

- Но дело не в этом, не так ли? - спросила я, мой пульс участился. - Это из-за Софии. Стража. Юной героини. Драгоценной малышки Уинслоу, борца с преступностью и прочее. Какое значение имеют страдания одного человека, если это позволяло этой суке чувствовать себя комфортно...

- Мисс Эберт, пожалуйста! - прервал детектив Чейз, повысив голос. - Мистер Эберт, мисс Эберт, понимаю ваше расстройство, и у вас есть на это полное право, но мы об этом не знали.

Мне хотелось ему верить. После встречи с Оружейником и Мисс Ополчение, мне хотелось верить в то, что он говорил, потому что альтернатива ужасала. Но я не могла. Я не смогу заставить себя поверить, что он говорит мне правду, потому что...

София Хесс была Теневым Сталкером.

- Мисс Эберт, мне неприятно вас об этом спрашивать, - сказал детектив Чейз, - но в свете того, что вы теперь знаете, можете ли вы назвать какую-либо причину, по которой Теневой Сталкер была убит перед вашим домом, или кто мог это сделать?

Вспыхнувший гнев сгустился и дистиллировался до кристальной ясности, как будто всё стало ясно и теперь выступало с резкой чёткостью, как никогда раньше. Пылающая ярость превратилась в лед и горела в моей груди, и во второй раз за два дня моя кровь уподобилась кислоте в моих венах.

Однако на этот раз, это я сама.

- Нет, я не знаю, кто, - холодно сказала я. - Но мне бы хотелось поблагодарить их, если бы знала. В конце концов, не так уж легко пережить покушение на убийство, я не думаю, что София Хесс собиралась принести мне цветы.

Детектив Чейз вздрогнул.

- Покушение на убийство?

- Вы не знаете? - Похоже, в последнее время я слишком часто использую Медею, потому что слова вышли из меня гладко и шелково, опасно. - В январе, сразу после окончания зимних каникул, София Хесс, Эмма Барнс и Мэдисон Клементс сговорились запихнуть меня в мой шкафчик, который они набили кучей сгнивших тампонов и... других использованных средств гигиены. Они оставили меня там на несколько часов; врачи сказали, что мне повезло не подхватить серьезную инфекцию, не впасть в токсический шок и выжить.

Детектив Чейз побледнел, и на его лице появилось смутное выражение отвращения и недоверия.

- Что София Хесс замышляла прошлой ночью на лужайке перед моим домом? - задала я риторический вопрос. - Я не знаю. Последний раз я видела её вчера, когда назвала громилой

перед всеми ее подхалимами в школе.

- Громилой? - тихо повторил детектив Чейз, хотя в его голосе не было особого удивления. - Почему...

- Я назвала ее громилой, потому что она, Мэдисон и моя бывшая лучшая подруга Эмма Барнс провели большую часть последних двух лет, превращая мою жизнь в ад. Если бы вы спросили меня перед Новым Годом, я бы сказала, что она собиралась забросать наш дом яйцами, но моё предположение сейчас? Она собиралась закончить начатое в январе.

Я посмотрела ему прямо в глаза. В то время я не думала об этом, но позже задавалась вопросом, что же он там увидел.

- Я не знаю, что её убило, и на данный момент мне уже всё равно. Её нет, и мне больше никогда не придется беспокоиться, что меня столкнут с лестницы или вмажут плечом в дверь. - Я встала и со спокойствием, которого не чувствовала, сказала ему: - На этом всё. Это мои свидетельские показания, детектив Чейз.

Я грубо отодвинула свой стул и вышла. Позади себя я услышала, как детектив Чейз позвал:

- Мисс Эберт! - но я проигнорировала его и, уходя, захлопнула дверь.

В то мгновение, когда она закрылась за мной, я остановилась, судорожно вздохнула и провела рукой по волосам. Горячие, влажные слезы проложили дорожки по моим щекам, что даже не имело смысла, потому что мне не было грустно или больно, просто я злилась, и слезы, казалось, забирали всё, что я чувствовала за последние несколько часов. Всю мою ярость, разочарование и вину - всё это исчезало, и то, что осталось после, было пронизывающей до костей пустотой, как будто кто-то проник внутрь меня и забрал всё это.

София Хесс была Теневым Сталкером.

Эта мысль не принесла ни утешения, ни радости, ни гнева, ни ненависти, только усталость, смирение и понимание. Знание, что теперь она мертва и что моя защита дома убила её, не принесло мне ни счастья, ни удовлетворения, только своего рода облегчение, что мне больше никогда не придется видеть её лицо.

Я вытерла слезы рукавом; позади себя я слышала голос папы через дверь, он что-то кричал, хотя я не могла разобрать, что именно.

Несколько минут спустя папа выскочил из конференц-зала с мертвенно-бледным выражением лица. Как только он увидел меня, я увидела, как заметно разгладилось его лицо. Я не знала, как я выглядела тогда, мог ли он увидеть дорожки слез на моих щеках, мог ли он увидеть на моем лице ту скручивающую пустоту, которую я чувствовала в груди, но что бы это ни было, это сдвинуло его брови, сузило глаза и сжало губы в тонкую линию.

- Давай, Тейлор, - сказал он чётким голосом. - Мы возвращаемся домой.

Он направился по коридору обратно, как я предположила, тем же путем, которым мы пришли, я не стала спорить, потому что в любом случае хотела вернуться домой и свернуться калачиком на своей кровати, пока всё снова не обретет смысл. Я пристроилась рядом с ним и смотрела на напряженные очертания его плеч.

В этот момент он больше походил на того отца, каким был раньше, более живым и полным сил,

чем с тех пор, как умерла мама.

- А как же...

Я не знала, к чему именно клоню с этим вопросом. А как же детектив Чейз? Как же Уинслоу? А как же СКП? Любой из них совершенно обоснованный вопрос, и все они занимали, по крайней мере, какое-то место в моих мыслях в тот момент, но ни один из них не казался мне достаточно важным, чтобы по-настоящему беспокоиться о них.

София Хесс была Теневым Сталкером. Я должна оправиться от этого, прежде чем решать что-либо еще.

Однако папа, казалось, уловил, какую-то часть вопроса.

- Если они хотят, чтобы мы подписали их чертово соглашение о неразглашении, - яростно сказал он, - тогда они могут прийти к нам домой и доставить документы самостоятельно.

Огромная волна благодарности захлестнула меня, и я потянулась к его руке ровно настолько, чтобы сжать её. Если папино лицо на мгновение и расплылось в улыбке, то я не собиралась никому рассказывать.

— o.O.O.O.O —

<http://tl.rulate.ru/book/85742/3152254>